

Аля

Маленькой девочкой Аля часто пела с бабушкой красивые тягучие песни. Звонкий голосочек-колокольчик достался малышке в наследство от бабушки. Они вдвоём ходили в церковь, бабушка пела в церковном хоре, там хвалили Алю за то, что быстро запоминала мелодии. К первому классу девочка знала их множество. И только в школе учительница сказала, что не подобает октябрёнку-Але петь церковные песни, иначе не примут её в октябрюта...

Потом история повторилась с приёмом в пионеры... Конечно, Аля хотела дружить с одноклассникам и и носить алый пионерский галстук! Нежные мелодии она спрятала глубоко в сердце, и только дома, длинными унылыми

вечерами вместе с бабушкой нечасто пела-вспоминала их, словно плела кружева...

...Стала Алевтина учительницей начальных классов, переехала из села в город. Попала в центральную школу с русским языком обучения, и очень привязалась к детям, полюбила свою работу... Только подруг не завела. Горделивые учительши кривили носы, слыша Алин сельский украинский акцент.

Я была старше по возрасту и по служебному положению, а Алевтина Ивановна тянулась ко мне. Бывало, после уроков зайдёт в мой завучевский кабинет, спросит что-нибудь незначительное, и останется "помогать". В процессе расскажет о себе с напёрсточек и убежит. Таких напёрсточков набралась вскоре солидная чаша. И я узнала почти весь её жизненный путь.

– Знаешь, – говорила Аля, – поеду сегодня в село, с бабушкой вечером будем песни петь.

– А я и не слышала никогда, как ты поёшь... Спой, Аля! – просила я.

Аля тихонько запевала, и её необыкновенному мягкому красивому лирическому сопрано было тесно в моём небольшом кабинете...

– Ой, как красиво! – замирала я от восторга.

Аля пела недолго, негромко. Но обязательно кто-нибудь заглядывал, услышав необыкновенный голос.

От Алевтины я узнала, что её отец служил в Тюмени и там полюбил красавицу Ирину. А после службы привёз её домой.

– Принимайте, моя жена!

Приняли русскую невесту как положено. Один за другим родились сынок и две дочки. Любовь кипела, детки подрастали. А Ира так и осталась весёлой гулёной – девушкой-праздником! По дому не помогала, в огород не ходила, курей-гусей не кормила.

– Сыграй, Ванечка, споём! Наливала кружку первачка собственного производства, сама садилась за компанию с мужем... Пили-пели...

Свекровь была плохой! Весь праздник портила! К работе привлекала! То вари, то стирай, то ещё чего – грядки иди пропалывать!

– А где же грядки у меня в Тюмени были? Не было! Ванечка, поедем в Тюмень! Помнишь, как мы гуляли там с тобою? И никто не зудел над ухом со своею работой!..

– Ты, Ира, того, – мать права! Не каждый день – праздник, – уговаривал жену Иван, – детям внимание твоё нужно, матери помогай – устаёт она, всё сама да сама.

– А! Так ты за мать?! А как же я? Наша любовь? Не любишь меня, Ванечка! Налей-ка! – И тянулась Ира к стакану...

– Уеду в Тюмень! Только к кому? Нет там никого, здесь теперь моя жизнь... – плакала Ирка... И спивалась...

Так и не выучила Ира украинский язык, не научилась вести дом и хозяйство. Всё искала ежедневного праздника. И в селе закрепилось за нею прозвище Ирка-праздник. А Иван по-своему любил-жалел жену – взвалил на себя воз и маленькую тележку нелёгкого сельского труда. Пить перестал. День – на тракторе в колхозе, дома – до ночи в хозяйских заботах.

И матери помогал варить, печь, и детей обувал-одевал, в школу провожал...

– Не трогай Ирку, мать, куда деть-то её? Пусть уже живёт, как есть...

Дети выросли и получились разными: Аля – в папу, бабушку, в папиных сестёр – работающая щebetунья. Огонь девка! Любая работа спорилась в её умелых руках. А сестра Нина и брат Вова – в маму. Ни за холодную воду за весь день! И философию мамы Иры они усвоили тоже! – Жизнь должна быть ежедневным праздником

Алевтина выращивала в селе овощи, и в компании с тётушками возила на продажу в Москву, в Ленинград. Нанимали один грузовик на всех. Грузили мешки. Спали на этих же мешках, подстелив ватники, ими же укрывались.

Продав овощи, покупали одежду, обувь – на год. И приходила Аля в свою школу на работу первого сентября в самых модных и красивых одежках! Коллеги-учительши раскрывали рты – откуда?

Как Алевтина Ивановна любила свою учительскую профессию! Вначале ничего не получалось, но её настойчивость поражала! Перенимала

всё лучшее у опытных учителей. Сама рисовала, клеила, писала плакаты, схемы, вырезала. Ученики души не чаяли в любимой учительнице, а родители боготворили Алевтину Ивановну.

Пришло время, вышла девушка замуж за парня из соседнего села. Темноволосый синеглазый Виктор полюбил Алю – светленькую кареглазую пампушечку – термоядерную смесь хромосом красавицы Ирки-кацапочки и хохла Ивана.

Родился сын, через восемь лет – дочечка. И тут семейная лодка дала течь. Пока Аля нянчилась с грудной дочкой, Витька нашёл утеху-любовницу – незамужнюю коллегу Али по школе! Из села Алевтина привозила в помощь-поддержку мощную команду: бабушка, тётки, их дочери – все пытались отвадить любовницу. Но все попытки заканчивались провалом – Виктор и вовсе ушёл к любовнице.

Сын не простил отца. Было ему десять лет, когда тот ушёл. Ещё восемь лет Аля билась за возвращение мужа безрезультатно. А тем временем мальчишка подружился с Алиным братом. Бабушка Ира наливала стакан сыну и внуку! Они нашли общий язык. Потом с "лёгкой" руки дядьки приобщился он к конопле... Теперь уже у обоих росли долги за водку, за травку. А бабушка Ира выручала!

Первым не выдержал дед Ваня! Жена, сын, внук! Пьют беспросветно! Да ещё и травой балуются... Сердце Ивана отказало прямо в кабине трактора. Брат Али сгорел от ядрёной смеси первака и травы через полгода в сорок лет, так и не женившись. Ещё через полгода, сидя за столом, в обнимку с бутылкой навеки уснула бывшая красавица Ирка-вечный праздник – Алина мать.

У Али провалились глаза, черные круги вокруг них не проходили... Она плакала за мамой, как маленькая, и винила себя, что недостаточно общалась с нею.

– Говори со своей мамой, пока она жива! – плакала Аля, склонившись на мой рабочий стол, – может, моей плохо было, а никто с ней не разговаривал – все ругали...

Вскоре сын, отслужив, вернулся из армии. Тут же нарисовались "друзья", требуя возврата долгов... Аля нашла дополнительную работу – пела в храме, помогала людям – выручала сына.

Незаметно отдалилась от меня. И сблизилась с новыми друзьями по вере... А долги сына возникали вновь и вновь. Видимо, не имел он силы воли, засосала его пагубная привычка намертво, потому что жарким июльским днём унёс он все свои долги и жизненные обиды в глубину водоворотов широкой Десны... Месяц искали его водолазы, пока не всплыло тело – отпустила коряга...

Хоронили двадцатилетнего парня немногочисленные родственники и Алины коллеги по школе... Теперь я ходила тенью за Алевтиной Ивановной. Сидела на её уроках в первом классе. Гасила гневный крик на учеников, а она срывалась вновь и вновь. Изменилась Аля и внешне.

– Ты ничего не понимаешь в этой жизни! – говорила она с улыбкой. – И не поймёшь. А я уже вижу истину. Надо молиться! Надо всех моих отмолить!

И вот, под конец учебного года, выдала мне: « Я уйду в монастырь!»

Ото всех Аля скрыла своё решение. Сказала, что уезжает, выходит замуж за хорошего человека... Она решила посвятить остаток жизни служению Богу...Одна я знала правду, и она жгла меня изнутри. Но я поклялась не выдавать Алину тайну. Я и сейчас сомневаюсь, правильно ли поступила? Может, надо было искать помощь, чтобы осталась Аля с нами?..

Да, летом она "уехала замуж", забрав с собою и тринадцатилетнюю дочку...

– Нет! – утешала я себя, – ничего бы не изменилось, – Аля выбрала свой путь. И никто не мог его изменить...

... 1-го сентября во 2-А Алевтины Ивановны класс пришла новая учительница. Дети плакали, родители были в шоке...

А в начале октября, в День учителя, мои коллеги решили поехать на ежегодную традиционную экскурсию. Надо же, в этот раз поездку наметили в неблизкий женский монастырь, где природа и архитектура слились в едином ансамбле неповторимой красоты... Отговаривать коллег от поездки у меня не было никаких внешних причин

Да! Они встретились там с Алей! Красивая женщина, в праздничной одежде прислуживала в храме возле свечей... Чёрного цвета одеяние оттеняло матовость серьёзного одухотворённого лица. Не узнать её было невозможно! Взгляд дёрнулся, заметался, и ... успокоился! Погрузился в поволоку повлажневших глаз и тут же прояснился. И стал глубоким и стальным. И ни единого слова не слетело с уст красивой послушницы. Некоторые учителя даже засомневались: да Алевтина ли это?! Так и уехали домой, увезя с собою загадку. В автобусе первые полчаса размышляли – Аля? Не Аля? Как? А где же её дочка Маша?

У меня перед глазами всё это время стояла картинка: стальной взгляд красавицы-послушницы и дрожащие рядом с её глазами золотистые огоньки горящих свечей...

А позже сами собою затянулись многочисленные любимые наши песни:

– Два колеры мои, два колеры –

– Червоный – то любов, а чорный – то журба!...

– Пел нестройный женский хор, которому недоставало бархатного сопрано, когда-то несмело звучащего в небольшом моём школьном кабинете...